

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.1.10>

Hartmut Katz, *Selcupica I. Materialien vom Tym, München 1975* (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C. Band 1). VII + 120 стр.

Селькупский язык, как и некоторые другие самодийские языки, остается и в наше время недостаточно изученным во всех своих аспектах. Научное исследование его шло и идет довольно медленно, знания накапливаются буквально по крупицам. Поэтому любая публикация, имеющая целью осветить ту или иную сторону селькупского языка, представляет собой значительную ценность. Несомненно, что книга Х. Катца, в которой довольно подробно рассматривается целый ряд вопросов строя малоисследованного тымского диалекта селькупского языка, будет интересна широкому кругу специалистов и получит соответствующий отклик. Мы же попытаемся здесь дать наиболее общий обзор этой работы.

В предисловии к своей книге (стр. I—VII) автор справедливо констатирует, что селькупский язык является одним из наименее изученных уральских языков, хотя по нему имеется достаточно обширный лингвистический материал. Х. Катц перечисляет все опубликованные и неопубликованные источники языкового материала и дает краткую характеристику каждого из них. В общем с его характеристиками можно согласиться. Однако полное недоумение вызывает стремление автора создать для себя некий абстрактный, «правильный» селькупский язык, язык-эталон, отклонения от норм которого Х. Катц считает неточностями записи, ошибками исследователей. При этом остается неясным, на какой основе создается этот эталонный селькупский язык. Можно с большой степенью уверенности предполагать, что автор рецензируемой книги едва ли когда-нибудь имел возможность слышать живую речь носителей селькупского языка, а ведь только это, на наш взгляд, дало бы ему определенное право сомневаться в точности записей того или иного исследователя.

Х. Катц весьма критически подходит

к селькупскому материалу, собранному т. н. томской лингвистической школой (А. П. Дульзоном и его учениками) и частично опубликованному в ряде работ. Он пишет: «Ungeachtet der unbestreitbaren Verdienste, die den Autoren dieser Arbeiten, die über viele Jahre hinweg an Ort und Stelle aufgenommen wurden, zukommt, kann nicht verschwiegen werden, daß ihren Arbeiten ... die weitestgehenden Unzulänglichkeiten anhaften. Das gilt in erster Linie für die Transkription, die so inkonsequent ist, daß sie wissenschaftlich nur unter größter Vorsicht, wo überhaupt verwertbar ist ... Sicher scheint mir in jedem Fall zu sein, daß sich die Tomsker Feldforscher nicht hinreichend auf ihre «Expeditionen» vorbereitet haben, also nicht schon bis zu einem gewissen Grade selk. «konnten», die Problematik dieser Sprache durchschauen, bevor sie an die Arbeit gingen» (стр. IV—V). Рассматриваемые материалы, безусловно, имеют определенные недостатки. Обширные записи селькупского языка, хранящиеся в кабинете языкознания Томского государственного педагогического института, сделаны многими людьми, действительно имеющими разную степень подготовки и опыта сбора селькупского языкового материала. Однако к этим записям вполне можно подходить дифференцированно, так как они точно документированы: в каждом томе полевых записей отмечено, кто и в каком месте их выполнял, а также приведены различные данные об информантах. Ряд записей выполнен специалистами по фонетике; кроме того, часть материалов записана не только в транскрипции, но и на магнитофонной ленте, что дает дополнительную возможность для проверки транскрипционной записи. Далее, Х. Катц совершенно неправомерно отождествляет работы А. И. Кузьминой и работы томской школы. А. И. Кузьмина уже давно отошла от последней и развивает

свои взгляды, зачастую очень отличные от высказываемых представителями томской школы. Принципы сбора материала у А. И. Кузьминой также иные. Краткая информационная справка об организации и проведении лингвистических экспедиций томского института, а также о методике сбора материала опубликована (Т. И. Порогова, Экспедиции к малым народам Сибирского Севера. — Языки и топонимия Сибири V, Томск 1972, стр. 146—149). Судя по всему, Х. Катцу эти данные неизвестны, а между тем они могли бы помочь избежать возникших недоразумений.

Едва ли имеет смысл вслед за Х. Катцем удивляться тому, что он находит в селькупском тексте, записанном А. П. Дульзоном, параллельные словоформы типа *sojeŋ* и *söjeŋ*, *paŋe-ŋ* и *paŋi-ŋ*, а также окончания инструменталя *-ze* и *-jze* (стр. IV, прим. 5). Ничто не исключает возможности, что информанты именно так их и произносили: известно, что произношение селькупского языка (как и многих других языков, не имеющих литературной нормы) довольно непоследовательно. Кстати, сам А. П. Дульзон относительно кетского языка писал, что «языковые записи должны быть строго фонетическими. Это требование надо предъявлять еще и потому, что оно обеспечивает понимание в дальнейшем разных, пока еще недостаточно ясных или подробно описанных фонетических особенностей. На первых порах читателю, возможно, будет неприятно встретить на двух соседних строчках до пяти различных фонетических вариантов. Нетрудно, конечно, унифицировать написание, скрыв тем самым фактически существующее разнообразие, но это лишает читателя возможности самому видеть и объяснять. Приходится сожалеть, что многие авторы работ по младописьменным или бесписьменным языкам до сих пор еще пренебрегают указанным требованием, не давая тем самым читателю возможности проверить или исправить те или иные выводы автора» (А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск 1968, стр. 3). Это высказывание применимо и к селькупскому языку. Относительно *-ze* ~ *-jze* небезынтересно отметить, что в камасинском материале К. Доннера перед суффиксом инфинитива *-šš-t(-)*, *-zšš-t(-)*, первый ком-

понент которого этимологически идентичен селькупскому окончанию инструменталя (см. А. Кюннап, Об инструменталях южносамодийских языков. — СФУ VII 1971, стр. 205—217; A. Künnap, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki 1971 (MSFOu 147), стр. 132—155), иногда тоже выступает элемент *-j-*, *-i-*, например, *mü|j|sət* 'zu geben', *üzü|j|zət* 'fallen', *tabō|i|zətō* 'zu halten', *mo|zət* ~ *mo|j|stō* ~ *mo|i|zət* 'werden; ...', ср. 1-е лицо ед. ч. през. (-фут.) *mü|lem*, *üzü|lem*, *tabō|ma-m*, *mō|lam* ~ *mō|lijam* (см. K. Donner — A. J. Joki, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki 1944; A. Кюннап, Показатель инфинитива в камасинском языке. — Вопросы финно-угроведения VI, Саранск 1975, стр. 112—115). Эти загадочные элементы сельк. *-j-*, кам. *-j-*, *-i-* требуют специального изучения.

Анализ источников языкового материала Х. Катц заключает следующим образом: «Wir sehen daher den weiteren Publikationen aus Tomsk mit gemischten Gefühlen entgegen... Ich fürchte, daß mit der Veröffentlichung dieser Materialien die Schwierigkeiten bei der Erforschung des Selkupischen erst richtig beginnen, was nicht heißt, daß sich andere Schwierigkeiten nicht erst dann lösen lassen» (стр. V—VI, прим. 1). Мы все же считаем, что несмотря на известные недостатки этого материала, он содержит много ценного — в этом нас убеждает прежний опыт. Томские селькуповеды будут, разумеется, продолжать дифференцированно подходить к своим фондам и более тщательно подбирать материал для анализа и публикации. Укажем, что Х. Катц не совсем доверяет и селькупским записям К. Доннера (это видно из анализа этих записей в его книге), хотя и отмечает, что они являются «ohne Zweifel die umfangreichsten und vor allem phonetisch genauesten, die bisher gesammelt wurden» (стр. II). Действительно, К. Доннер был очень хорошим знатоком селькупского языка, свои записи старался вести фонетически максимально точно и применял в них по возможности точную фонетическую транскрипцию, хотя в ряде случаев сравнение опубликованных К. Доннером форм и тех же форм из его неопубликованных рукописей дает основание предполагать, что

он подвергал свой первичный материал последующей кабинетной обработке. Нам остается лишь присоединиться к Х. Катцу в его нетерпении увидеть как можно скорее все селькупские материалы К. Доннера опубликованными в том виде, как они были записаны этим крупным самодологом.

Во введении (стр. 1—3) Х. Катц ставит перед собой следующую цель: «Die vorliegende Arbeit hat das bescheidene Ziel, alles mir aus den Aufzeichnungen K. Donners vom Tym-Dialekt des Selk. bekannt gewordene Material kommentiert zu veröffentlichen». Оказывается, он использовал исключительно только опубликованные данные. Этот небольшой материал автор считает все же достаточным для первоначального выявления основных фонологических черт и некоторых важных морфологических особенностей тымского диалекта селькупского языка. Он отдает себе отчет в том, что появление дополнительных данных может ввести в его анализ коррективы.

В предварительных замечаниях к первой главе Х. Катц пишет: «Ein Corpus von so geringem Umfang wie das hier vorliegende eignet sich nicht zum Experimentieren mit phonologischen Theorien: es soll sich im Folgenden um eine schlichte «Oberflächenphonologie» handeln, die einigermaßen mechanisch nach den kleinsten morphemunterscheidenden Einheiten sucht» (стр. 4). Далее рассматриваются консонантизм (стр. 5—18), вокализм (стр. 19—28), ударение (стр. 29), сандхи (стр. 30—31) и флексия (стр. 32—34). В систему тымского консонантизма автор включает следующие фонемы: *p, t, tʰ, k, q, tʷ, tʷʰ, kʷ, qʷ, č, čʷ, s, š, sʷ, ɣ, m, n, ŋ, ŋ, l, l, r, j, w* (а также — в русских заимствованиях — *z* и *v*). Фонологический статус *tʷ, sʷ, ŋ, j, w* представляется Х. Катцу все же недостаточно определенным, хотя эти согласные как будто вполне органично входят в установленную им систему. Все согласные фонемы анализируются по их позициям в слове, устанавливаются дистинктивные признаки, перечисляются возможные аллофоны и варианты с указанием фонетического окружения, приводятся примеры на употребление. По аналогичному принципу описывается и система гласных фонем. Вокализм первого слога включает фонемы: *a, e, o,*

u, e, ä, ü, ā, ē, ī, ō, ū, ā, ē, ī, ō, ū (а также — в русских заимствованиях и звукоизобразительных словах — *i, ō*); вокализм непервых слогов значительно беднее: *a, e, o, u, ä, ā, ē, ō, ū, ī, ā, ə* (в заимствованиях еще *i*), причем наиболее употребительны *a, ä, ə*, тогда как остальные выглядят более или менее исключительными. В этом отношении стоит заметить, что, учитывая довольно ограниченный материал, использованный автором в качестве базы для описания, было бы весьма желательно увидеть полную статистическую обработку звукового и фонемного состава тымского диалекта, тем более, что по уральским языкам подобные данные пока явно недостаточны, хотя они чрезвычайно насыщены для сравнительной характеристики различных диалектов и языков.

Относительно ударения Х. Катц дает лишь очень краткие замечания, из которых следует, что главное ударение в слове обычно падает на первый слог, а отклонения от этой закономерности составляют 1) существительные на *-k* типа *kana-k*, 2) глагольные суффиксированные формы типа *kekä-lak*, 3) имена родства типа *ata*, 4) заимствования из русского языка с сохранением ударения оригинала типа *palo-na*, 5) разные другие типа *purqa-t*. В целом схема тымского словесного ударения по Х. Катцу совпадает с наблюдениями других исследователей как в тымском, так и в иных диалектах селькупского языка. В разделе о внутреннем и внешнем сандхи содержится описание лишь наиболее характерных случаев, основная часть которых известна из работ по тазовскому диалекту. Для сравнения можно указать на гораздо более обширный материал из соответствующего раздела исследования по фонетике среднеобского говора (Ю. А. Морев, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка, Томск 1973 (канд. дисс., рукоп.)).

Также очень кратко излагается именное и глагольное словоизменение: выделяются именные суффиксы (суффиксы фонологизированы) ген. *-n, -t*; акк. *-p*; лат. *-ntə* (неодушевл.), *-n* (одушевл.); лок. (неодушевл.) *-qət*; абл. (одушевл.) *-nap*; инстр. *-sä*; трансл. *-qo*; дв. ч. *-qə*; мн. ч. *-t*; коннективно-реципроковый суффикс *-sə*; посессивный суффикс ед. ч. 1 л. *-t*

и 3 л. -t; приводятся единичные примеры на разные именные и глагольные формы. Вероятно, будет целесообразно дополнить это изложение Х. Катца хотя бы одной полной парадигмой абсолютного склонения из рукописей К. Доннера по тымскому диалекту селькупского языка (*kulä* 'Rabe'):

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
ном.	<i>kulä</i>	<i>kuläy</i> (<i>kuläŋ</i>)	<i>kuläd</i>
ген.	<i>kulēn</i>	<i>kuläyän</i>	<i>kulädän</i>
акк.	<i>kulēB</i>	<i>kuläyB</i>	<i>kulädäB</i>
лат.	<i>kulēn</i>		
лок.-абл.	<i>kulēnän</i> (<i>kuläkan</i>)	<i>kuläyänan</i>	<i>kulädänan</i>
прозек.	<i>kuläüäd</i>	<i>kuläyüäd</i>	<i>kulädüäd</i>
инстр.	<i>kuläze</i>	<i>kuläyze</i>	<i>kulädze</i>

Материал К. Доннера по тымскому диалекту селькупского языка приводится и анализируется в трех главах рецензируемой книги: «Словарь» (стр. 35—94), «Текст» (стр. 95—110) и «Предложения» (стр. 111—115). Книгу заключает перечень литературы и сокращений (стр. 116—119). В словаре даются словоформы всего материала (включая текст и предложения). В каждой словарной статье сначала приводится предполагаемая фонологическая форма слова с переводом, затем фонетическая форма и ссылка на печатный источник, далее — имеющиеся флексивные и деривативные формы. Заглавное слово дано в номинативе ед. ч., 1-м лице ед. ч., инфинитиве или в виде глагольной основы (если они не обнаружены в материале, приводятся их реконструкции). Следует анализ с необходимыми сопоставительными данными из других диалектов и материалов. Часто реконструируются праселькупские исходы основ и словоформ. Свои реконструкции автор комментирует: «Soweit mit rekonstruierten Formen gearbeitet wird, können diese nicht in jedem Falle begründet werden. Sie sind aus meinen umfangreichen Vorarbeiten zu einer selk. Lautgeschichte bezogen. Ich kann den Leser nur bitten, sie fürs erste hinzunehmen» (стр. 35). Изложение материала и анализ корректны. Грамматическое толкование материала в большинстве случаев не вызывает возражений. В неясных случаях ав-

тор обычно проявляет уместную осторожность, выдвигая несколько возможных решений той или иной проблемы, признаваясь в непосильности задачи. Нам хотелось бы сделать лишь несколько замечаний и дополнений к анализу Х. Катца.

Прежде всего нам придется вернуться к вопросу о правомерности того идеального селькупского языка, который существует только в воображении автора книги, а никак не в действительности, и с которым он сравнивает все записи, считая отклонения от такой нормы ошибками при записи, при копировании оригинальной записи и т. д. Например, *oyotaldžaBŋ* 'oppia [учиться]' он фонологизирует как *ökälälčar* и пишет: «Die Vokallänge bezeugen alle Quellen, sodaß hier mit einem Aufzeichnungsfehler zu rechnen ist» (стр. 46). Под заглавным словом *kapä* 'Körper' Х. Катц пишет: «q — muß Fehler sein, könnte auf eine falsche Transkription Jokis für ein k- des Originals stehen» (стр. 52). В связи с этим напомним об упомянутой выше форме *kuläyze* (k- вместо k-!), из оригинальных записей К. Доннера, а также (о форме *qōrom* 'ruumistapī [мое тело (акк.)]' (q- вместо k-!), которую П. Саммаллахти приводит в своей рукописной фонологизации материалов К. Доннера по тымскому диалекту. Впрочем, на стр. 52 (внизу), видимо, отсутствует часть необходимого текста. Здесь должно было бы помещаться заглавное слово *kaptä*, которое упоминается в некоторых других местах, например, под заглавным словом *keča* 'Ameise' (стр. 54). Форма *keča* фонологизирована Х. Катцем из формы *qēdža*, опубликованной А. Й. Йоки (ср. также форму *qidža* приведенную А. П. Дульзоном; см. Andreas Dulson, Über die räthliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. — СФУ VII 1971, стр. 40). И Х. Катц делает вывод, что «das q- dürfte also wieder Transkriptionsfehler Jokis sein (vgl. s. v. *kaptä*) ...» (стр. 54). Автору книги придется все же признать, что постулируемого им идеального селькупского языка в действительности не существует.

К форме *andogD* 'in das Boot', которую Х. Катц фонологизирует как *antoktə* и элемент -k- которой он не в силах объяснить (стр. 114, ср. и стр.

36), приведем для сравнения следующие формы из указанной рукописной фонологизации П. Саммаллахти: лат. *antokt*, акк. *antōkm*, ген. *andown*, акк. *antōum*, ном. 2-го лица ед. ч. *antōul*, ген. *antōn*, *antōt*.

Относительно предложения *maD ku-mašəŋ idža* 'ich bin von den Menschen gepommen' (стр. 114—115) Х. Катц пишет, что он не понимает его немецкого перевода. Далее он считает, что *idža* — это форма 3-го лица ед. ч. от *i-* (ср. и стр. 43), и удивляется, что глагол не согласуется с предполагаемым им подлежащим *maD*. Наконец, он затрудняется объяснить форму *kumašəŋ*, «das aus lautlichen Gründen nicht zu qor «Mensch» gehören kann, sondern ein sonst nicht bekanntes *kuma «Mensch» beherbergen muß» и суффикс *-šəŋ*, которой создает семантические трудности, причем непонятно, почему, в нем выступает *-ə-*. На самом деле трудно объяснить лишь форму *kumašəŋ*. Отметим, что на своих лекциях в Хельсинкском университете в 1969 г. А. И. Йоки привел это же предложение с финским переводом 'minä ihmisten ottama olen [я людьми взятый есть (т. е. я людьми взят, люди меня взяли)]'. Он указал также, что в селькупском языке имеется простой (т. е. неслитный) аффиксальный суффикс (Кастрен, Доннер) *-žə*, *-žə*, который образует как финитные, так и инфинитные глагольные формы, например, (Доннер) Кет *tan kuənek kuəle*

küssenollal miššalgal-dža 'sinä mene kalapydykset ottamaan [ты иди принадлежности-рыбной-ловли брать (т. е. иди возьми принадлежности, предназначенные для рыбной ловли)]', *kañnam ta[bdža]* 'koiran apnoit [собаку ты-дал]'. В рукописном материале К. Доннера по тымскому диалекту мы находим еще и предложение *kumašəŋ idža maəŋ* 'minä ihmisten ottama [я людьми взят]', а рядом с ним другое — *maD kubšəŋ meššəəŋna* 'minä ihmisten häiritsemä [я людьми обеспокоен ~ встревожен]'. Следовательно, имеются все основания полагать, что *idža* является формой причастия претеритума от *i-* 'взять', а не финитной формой. Рядом с *kumašəŋ* видим форму с более обычной основой: *kubšəŋ*.

Высказанные нами замечания в общем не снижают очевидных достоинств книги Х. Катца; они свидетельствуют лишь о том, что в настоящее время ко многим фактам селькупского языка пока еще нельзя подходить единообразно. Причиной тому — разноречивый материал и слабая разработанность теории селькупского языка. Книга Х. Катца, дающая комментированное освещение опубликованных материалов К. Доннера по тымскому диалекту, вносит тем самым вполне определенный вклад в изучение селькупского языка. Будем с интересом ждать появления книги «Selcupia II».

АГО КЮННАП (Тарту),
Ю. А. МОРЕВ (Томск)

Г. Е. Корнилов, Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I, Чебоксары 1973 г.

Изданная в 1973 году книга Г. Е. Корнилова представляет собой начало публикации первого многотомного монографического исследования автора, адресованного прежде всего специалистам по финно-угорским языкам и тюркологии. Г. Е. Корнилов, доцент кафедры русского языка Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, ранее опубликовал ряд статей, заметок и сообщений по разнообразным частным и общим вопросам тюркологии, финно-угрове-

дения, славистики и т. д. Объем рецензируемой книги — 297 стр. машинописного текста, размноженного на ротапринте (тираж 500 экз.), она содержит 211 пронумерованных словарных статей (в приложенном «Указателе языков» вместо страницы указан номер соответствующей статьи). Хорошо отредактированная, книга читается легко и с интересом, хотя читателя-венгра, а также специалиста по венгерскому языку несколько озадачивает на первых порах транслитерация вен-